Гинкас Камма

02.12.98

Особенности российского отдыха

культура. – 1998. – 26 нояб. – 2 дек. – С. 9

"Комната смеха" и "Золотой петушок" в постановке Камы Гинкаса

Пушкинскую сказку играют молодые тюзовские актеры, а "Комната смеха" – спектакль Табакерки, который, не уместившись на ее маленькой сцене, вынесен на тюзовскую, большую. Неожиданно и, кажется, впервые Гинкас ставит сказку и, игнорируя родителей, с пристрастием расспрашивает детей после спектакля. Похоже, сугубо "взрослый" режиссер на этот раз сознательно и весьма жестко адресует свой спектакль совсем другой публике – той, у которой пока не нажиты штампы ни в жизни, ни в искусстве. В том-то и фокус, что и здесь и там клишированное сознание режиссеру одинаково неинтересно. В знакомых с детства пушкинских строках (а юная публика ловко подсказывает их по ходу действия) он услышал то, что гениально просто и оттого всегда свежо и сиюминутно. С этой точки зрения пьеса С.Богаева "Комната смеха" – абсолютный антипод пушкинскому сочинению. В ней все кажется вторичным, давно написанным и сыгранным.

Но режиссер Гинкас ставит эту пьесу с артистом Табаковым. Первый прозревает во втором то, что другой постановщик, возможно, не потрудился бы разглядеть под толстым слоем штампов – неотъемлемым богатством всех наших больших актеров. Гинкас, к слову сказать, не в первый раз заставляет звучать невостребованные струны актерских индивидуальностей. Они с Табаковым совершают с пьесой смертельный номер и – выигрывают.

Детский спектакль "Золотой петушок" поражает взрослое сознание жесткой ясностью взгляда, который, впрочем, разделяют и дети: царя Дадона не жалко, он царствовал, "лежа на боку", и профукал свое царство. "Комната смеха", в которой детям до 16 решительно нечего делать, вызывает у остальной части населения приступ первозданно чистого сострадания. Табаков играет по-детски хитрого и беззащитного старика поразительно смело и точно. Герой пьесы, именуемый Иваном Жуковым, инвалид войны, живущий на нищенскую пенсию в безобразной коммуналке, настолько одинок и выброшен из жизни, что сам себе пишет письма. Парафраз с Чеховским автором писем "на деревню дедушке" тут явно подразумевался, но трудно заподозрить драматурга в сознательной ссылке на другие литературные источники. А от них между тем буквально сыплются приветы: от Беккета и других классиков абсурдизма, от маркесовского полковника, которому "никто не пишет", от булгаковских жильцов, испорченных "квартирным вопросом", от безымянных авторов постперестроечного фольклора... Свинцовые мерзости жизни современного пенсионера, изложенные в виде российского театра абсурда, тянули бы разве что на скверный анекдот. Но стали болевым шоком в спектакле Гинкаса, Табакова и художника С.Бархина. При этом режиссер, склонный к жесткому анатомированию, обнаружил грустную интонацию сострадающего мудреца. Актер, славный аппетитом на жизнерадостные краски, – обезоруживающую искренность и непоказной трагизм. А художник – мастер стильных и изящных линий – заключил комнату Ивана в грубый металлический контейнер. Когда старика окончательно спишут со счетов, молодые крутые монтировщики дадут команду, и коробка чьей-то дряхлой, никому не нужной жизни захлопнется с отвратительным лязгом. Это вам уже не "русская народная почта" (второе название пьесы), а вполне цивилизованная "уборка мусора". Конец коммуналки с последующим евроремонтом.

Фото В. БАКИНОВА

Сцены из спектаклей: "Комната смеха" (вверху), "Золотой петушок" (внизу)

Заслуженный отдых ветерана Жукова оказался погребением заживо. Очень человеческое желание царя Дадона "отдохнуть от ратных дел" вылилось в кровавый триллер. "Он ведь старый, поэтому и доверился петушку", – объяснял по дороге из Тюза десятилетний мальчик. "Но ведь он царь, должен следить за своим хозяйством", – возражал другой. Беда, да и только! Смешные клоуны, разыгравшие сказку, были так изобретательны. Так сладко пели Дадону: "Спи, моя радость, усни". Месяц в форме большого леденца был таким мирным, а петушок – палка с бумажными крыльями – таким простым. Но кончилось все грудой отрубленных конечностей и потоками кроваво-красной краски, стекавшей с рубах убитых царевичей. Краски, между прочим, начали пошаливать еще раньше. Едва погрузился царь в заслуженный сон, как все предательски зашуршало, захлопало, а челядь быстренько раскрасила своего властелина. Царя играет актриса А.Нестерова, за исключением двух клоунов все роли в спектакле исполняют женщины. В некотором государстве царят женская страсть к дорогим удовольствиям и девичья память на собственные долги.

Это была счастливая мысль – сыграть сказку не на сцене, а в фойе и на лестнице, где царство возникает на глазах, из бумажных задников (художники А.Глебова и С.Архипова). Все такое же зыбкое и бутафорское, как государство Дадона, – краски можно смыть, а бумажки выбросить. Маленькое и легкое сочинение – емкое и весомое предупреждение. Для тех, кто понимает.

Два спектакля вновь явили способность режиссера Гинкаса выкапывать корень из-под пластов привычного. Оба полны горечи и ясной констатации факта и вместе с тем замкнуты на магию театра, которому одному под силу преодолеть на несколько часов печаль бытия. Только в "Комнате смеха" режиссер, минуя драматургический лепет, апеллирует к личности артиста, а в "Петушке" радостно доверяется чистоте пушкинского замысла.

Дети все понимают. Взрослые начинают умствовать и забывают простые истины. Но в театре куда нагляднее смотрится то, что в жизни не замечаешь у себя под самым носом.

Однако в России решительно не умеют отдыхать без далеко идущих последствий.

Наталия КАМИНСКАЯ